

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬЯ)

TO A QUESTION ON A CONDITION OF
THE DOMESTIC EDUCATION
IN THE BEGINNING OF XX CENTURY
(ON AN EXAMPLE OF THE STAVROPOL TERRITORY)

N. Tribunskih

Annotation

In the given article the system of Russian education on an example of the Stavropol province in the XX century is presented. The author considers the process of receiving education as well as the government's attitude to the formed system of education and its activity in resolving problems in the sphere of education. Also in the article the realization experience of different models of municipal and rural school arrangement and the process of forming national education is considered. The actual question of interrelation between officials, the church and people about the question of cooperation in mobilization's process of attraction of the means raise.

Keywords: education, the government, national education, financing of educational system, the Stavropol Territory.

Трибунских Наталья Ивановна

Аспирант, ГБОУ ВПО

"Ставропольский государственный педагогический институт"

Аннотация

В статье характеризуется система российского образования в начале XX в. на примере Ставропольской губернии. Анализируются процесс получения образования населением, а также отношение государственной власти к сложившейся системе образования и ее деятельность по разрешению проблемных вопросов в области образования. В статье также рассматривается опыт организации различных типов городской и сельской школы и процесс становления национального образования. Поднимается проблема взаимоотношений между властью, церковью и населением по вопросу сотрудничества в процессе мобилизации средств.

Ключевые слова:

Образование, государственная власть, национальное образование, финансирование системы образования, Ставрополье.

До 1917 г. в Ставропольской губернии сеть учебных заведений составляли учреждения начального и среднего уровня. Если в городах того времени функционировали разные типы таких учреждений, в том числе гимназии и профессиональные училища, то в сельской местности региона в основном образовательная сеть состояла из начальных и одноклассных училищ. При этом широко разветвленную структуру имели школы грамотности, созданные в период проведения либеральных реформ 1860–х гг.

Характерной чертой облика сельских начальных школ стала ориентированность на выполнение воспитательных задач, которые, в свою очередь, решались на основе православных догматов. Такие учреждения подразделялись на два вида: приходские и церковно-приходские. Различие между ними состояло в том, что приходские училища содержались за счет государственной казны, а церковно-приходские училища финансировались Святейшим Синодом. При этом оба типа начальных учебных заведений в материально-техническом плане поддерживались и сельскими общинами, заинтересованными в получении их детьми религиозного образования. Влияние духовенства распространялось не только на церковно-приходские училища, но и на народные школы грамотности. Епархиальное руководство получило право принимать решения об открытии новых учебных заведений в сельской местности, призванных распространять

элементарные навыки грамотности в самых широких слоях населения, независимо от статуса и происхождения. В сельских уездах Ставрополья приходское духовенство организовывало одноклассные и двухклассные церковно-приходские училища [6, 24].

В городе же, наряду с Министерством народного просвещения, инициативу по открытию и содержанию начальных и средних школ принимали на себя благотворительные организации, а также частные лица. В конце XIX – начале XX вв. на Ставрополье существовало несколько объединений, созданных на общественных началах с одной целью: способствовать распространению образования в регионе. Чаще всего в круг задач таких обществ входило проведение благотворительных сборов на нужды просвещения и определение средств для содержания одного-двух частных учебных заведений или детских приютов. Среди наиболее известных организаций такого рода выделялись следующие:

- 1) благотворительное общество Святой Александры (основано в 1848 г.), давшее жизнь первой женской гимназии в Ставрополе;
- 2) братство Святого Равноапостольного князя Владимира, на попечении которого находилось убежище для беспризорных детей, дом престарелых, а также дешевая и бесплатная столовая для бедняков;
- 3) Ставропольское городское общество, открывшее 3 одноклассных начальных училища;

4) общество для содействия распространению народного образования под руководством А. В. Архангельского (создано в 1878 г.): содержало 2 начальных училища и 2 воскресных школы [2, 98].

По данным на 1907 г. в губернии насчитывалось 362 начальных народных училища, подведомственных Министерству народного просвещения: 12 двухклассных и 350 одноклассных, в которых обучалось 21454 человек обоего пола. Также, помимо светских школ, существовали церковные учреждения. На 1 января 1907 г. в регионе насчитывалась 271 церковная школа (199 одноклассных и 72 школы грамоты), где обучалось 14402 ребенка. Также существовали второклассные, так называемые учительские церковные школы, предназначенные для подготовки педагогов начального уровня, и на рассматриваемый момент в Ставропольской губернии их было 3 со 187 учащимися [5, 17–18].

В г. Ставрополе же на начало XX в. функционировало 9 средних учебных заведений, одна профессиональная школа, одно высшее начальное училище и 53 начальных школы, из которых 3 определялись как светские двухклассные, 41 светская одноклассная, 1 двухклассная церковно-приходская и 8 церковно-приходских одноклассных [7, 187].

Особое внимание при рассмотрении положения дела народного образования в губернии в рассматриваемый период должно быть уделено средним учебным заведениям, которые к концу XIX – началу XX в. стали своеобразным центром сосредоточения передовой просветительской мысли на Ставрополье. В их число входили: Первая мужская гимназия (1837–1920 гг.); женская гимназия св. Александры (1849–1920 гг.); Ольгинская женская гимназия (1876–1920 гг.); Третья женская гимназия (1905–1920 гг.); духовная семинария (1846–1919 гг.); епархиальное женское училище (1875–1919 гг.); духовное училище (1823–1920 гг.). Позднее их число пополнила Вторая ставропольская мужская гимназия (1912–1920 гг.).

В 1911–1913 гг. под влиянием отголосков первой русской революции в губернии началось активное расширение школьной сети. За три года количество учебных заведений увеличилось на столько же, сколько появилось за последнее десятилетие [8, 44]. Введенное в 1913 г. земство вместе с инспекцией народных училищ разработало перспективную программу развития народного образования.

Важное место в проводимых мерах отвели высших начальных училищ, которые давали учащимся подготовку, достаточную для поступления в гимназию. В 1913 г. их на Ставрополье насчитывалось всего 4, в 1914 г. открылось еще два, в с. Песчанокопском и с. Прасковейском. 25 января 1915 г. Второе земское губернское собрание утвердило новую программу открытия высших начальных училищ, по которой намечалось организовать еще 16, в разных селах губернии. При этом земство в своей инициативе исходило из требований, которые поступали от населения. Например, имеется обращение схода Дивен-

ского сельского общества с просьбой об открытии высшего начального училища, так как существовавшие в селе одноклассные школы "не удовлетворяют тех требований школьной науки... такую потребность может удовлетворить, если было бы в нашем селе открыто высшее начальное училище, в котором преподавались бы латинский и другие языки, необходимые при переходе в соответствующий класс гимназии" [8, 44].

Однако начавшаяся первая мировая война не позволила реализовать эти планы. Одной из главных проблем стал дефицит кадров. Осенью 1914 г. более 80 мужчин из числа учителей мобилизовали в армию. Учительская семинария и учительский институт выпускали в год не более 8–10 учителей каждый, при этом многие из закончивших курс обучения студентов впоследствии уезжали из губернии. Поэтому в 1915–1916 гг. не открылось ни одного высшего начального училища.

Тем не менее, в 1914–1915 гг. появилось 96 новых одноклассных училищ, 6 двухклассных и одно одноклассное было преобразовано в двухклассное [8, 45]. К 1914 г. число учебных заведений начального образования увеличилось до 1042 с 67135 учащимися [4, 27]. Тем не менее, наличествовавшая сеть школ и училищ не удовлетворяла потребности местного населения в обучении и охватывала лишь малую часть детей школьного возраста. Прогресс достигался в основном за счет введения послеобеденной смены в уже существовавших училищах, так как управление образованием испытывало острую нехватку пригодных для обучения помещений. Подготовка же специалистов-профессионалов велась в ограниченных масштабах в направлении формирования педагогических кадров и, по большей части, передавалась в руки духовенства.

На процесс формирования системы образования в губернии свой отпечаток накладывал многонациональный и многоконфессиональный состав ее населения. Открытие национальных учебных заведений и поощрение инициативы населения в увеличении числа школ стало немаловажным пунктом государственной просветительской политики в регионе. И если на рубеже XIX–XX вв. ситуация складывалась не слишком оптимистично, то уже к 1909–1910 гг. сеть школ для нерусских народностей на Ставрополье, как и в целом по России, выросла в результате проявления мощного национального движения во время первой русской революции 1905–1907 гг.

Все национальные школы Ставропольской губернии, за исключением калмыцкой гимназии в селе Воронцово-Николаевском, по типу относились к начальным учебным заведениям. Программа обучения в обязательном порядке включала в себя русский и национальный язык, национальную религию и ряд общеобразовательных предметов.

Классифицируя национальные учебные заведения по признаку принадлежности, можно разделить их на три основных группы: государственные (министерские), профессиональные (церковно-приходские) и частные.

Государственные школы организовывались по ини-

циативе и на средства Министерства Народного просвещения специально для обучения детей, не принадлежавших к русской народности. К их числу относилась большая часть туркменских, калмыцких и ногайских школ, открытых на территории Главного приставства магометанских и кочующих народов [9, 146]. Это особое управление образовалось в 1825 г. и включено в состав Кавказской области с целью обеспечения контроля российским правительством кочевых инородцев степного Предкавказья и управления местным многонациональным поликонфессиональным по характеру населением с учетом сложности политической обстановки, разнообразия интересов, привычек, установившихся на основе обычаев и традиций правовых норм и нравов. К началу XX в. в состав Главного приставства входили Ачикулакское и Туркменское приставства, а также Большедербетовский улус. Приставы, возглавляющие указанные административно-территориальные единицы, назначались русским правительством и обладали всей полнотой власти в решении наиболее важных внутренних вопросов, касавшихся приставств [3, 117]. Постепенное увеличение численности бюрократического аппарата привело к усилению влияния центра на население национальной окраины, чему также способствовала и целенаправленно проводившаяся политика просвещения детей кочевых инородцев.

В отличие от министерских, конфессиональные школы открывались, как следует из их названия, при храмах и церквях. Инициатива при этом исходила непосредственно от местного населения, заинтересованного в качественном обучении детей, в том числе и религиозным предметам. Так, мусульманские школы открывались при уже существовавших и строившихся медресе. В зависимости от поселения, в котором располагалась школа, она могла быть как мелкой (на 1912 г. при мечети Мусы Эджей Аджиева в местности Гахай насчитывалось 10 учеников и два учителя-муллы), так и сравнительно большой (в ногайском ауле Камыш-бурут в то же время 4 муллы обучали 60 детей) [9, 146].

Широкое распространение в губернии получили лютеранские школы немцев и эстонцев, которые открывались в колониях, в наибольшем количестве основанных в Ставропольском, Благодарненском и Медвеженском уездах.

И, наконец, в губернии открывались частные национальные учебные заведения, к каковым, например, относились немецкая школа в колонии Довсун (основана в 1908 г.) и еврейский хедер в г. Ставрополе на 35 учеников под руководством Хонона Абеловича Волк (1909 г.) [9, 146–147]. Такие школы по соотношению численности к вышеописанным оставались в явном меньшинстве, так как нередко создавались нелегально, не соответствовали общероссийскому "Закону о частных школах" и не могли обеспечить достойную подготовку обучавшихся в них детей. Открытые без ведома губернских властей и соответствующих разрешений учреждения неукоснительно преследовались государственной админи-

страцией региона как "не состоящие под надлежащим контролем и порученные лицам недостаточно подготовленным" [10, 69].

Общей чертой для всех трех типов учебных заведений оставалось изучение родного языка на основе преподавания детям постулатов той или иной национальной религии.

Отдельного внимания заслуживает единственная национальная гимназия в Ставропольской губернии, открытая в с. Воронцово-Николаевском (Большедербетовский улус). В 1860 г. улус, являвшийся территорией проживания преимущественно представителей калмыцкой народности, перешел из ведения Астраханской губернии в подчинение Ставропольской. С переносом его административного центра в поселок Башанта, для населения улуса значительно упростился доступ к образовательным возможностям, которые мог предоставить Ставрополь как губернский центр. Калмыки, заканчивавшие начальные школы в своих родных поселках, стали впоследствии поступать в ставропольские гимназии за счет средств, выделенных из местного бюджета. Однако постоянно увеличивавшаяся потребность в получении образования диктовала необходимость создания собственного среднего учебного заведения для калмыков, которое открылось в 1909 г. первоначально в статусе прогимназии, а с 1916 г. было переведено на программу гимназии [1, 32].

Но если начальное образование в национальных районах обеспечивало хотя бы часть потребностей нерусского населения, то продолжение обучения оставалось довольно серьезной проблемой. Воронцово-Николаевская гимназия в начале XX в. оставалась единственным учебным заведением высокого уровня, предназначенным для инородцев. В большинстве же случаев для получения специального образования и возможности подготовки к поступлению в институты и университеты национальная молодежь поступала в государственные гимназии, принимавшие представителей любой национальности, чаще всего из зажиточных слоев. Так, например, исследователь Д. С. Ткаченко отмечал, что при Ставропольской мужской гимназии с целью обучения горцев открылось специальное отделение с пансионом, где за государственный счет могли обучаться горцы из всех регионов Северного Кавказа [11, 166]. После революционных событий 1905 г. в результате проявления вынужденных поступков со стороны властей, в том числе по отношению к инородцам, вышел закон "Об инославных (не православных) исповеданиях", в силу которого Министерство народного просвещения разрешило вести религиозное обучение нерусских детей в государственных учебных заведениях. Именно с этого момента в Ставропольской мужской гимназии началось преподавание католицизма, лютеранства, армяно-григорианского православия и мусульманства [11, 166].

Таким образом, на Ставрополье на рубеже XIX–XX вв. в качестве первоочередных задач, выполнение которых требовалось для развития системы регионального просвещения, выступали следующие:

1) обеспечение доступа к образованию широких масс населения безотносительно сословного и имущественного разделения;

2) расширение сети начальных училищ и повышения качества подготовки, так, чтобы выпускники учреждений могли продолжать обучение на следующем уровне и поступать в специальные учебные заведения для получения какой-либо квалификации;

3) увеличение количества профессиональных школ;

4) организация образования проживавших на территории губернии народностей сообразно их запросам, в том числе, ведение процесса обучения на родном языке и включение в программу неправославных религиозных компонентов.

Однако шаги, предпринимавшиеся губернскими властями в указанных направлениях, оказались незначительными даже при учете положительных сдвигов и достижений. Увеличение числа начальных училищ не привело к удовлетворению запросов населения и насущной потребности региона в людях, обладающих хотя бы минимальным образованием. Понятие "массовая школа" отсутствовало как таковое. Положительная динамика в из-

менении сети национальных школ по-прежнему не затрагивала большинство, а возможность учиться, тем более в прогимназиях и гимназиях, оставалась допустимой для состоятельной части нерусского населения. Неблагоприятным оставалось положение основной массы учительства губернии, которая и отвечала за обучение и воспитание детей на начальной ступени: уровень материального благосостояния и профессиональной подготовки народных учителей не отличался высокими показателями и зачастую оставлял желать лучшего. Положение ставропольского образования осложнилось еще тем, что земство в губернии было введено сравнительно поздно (только в 1913 г.), и уровень общественной поддержки образовательных учреждений зависел от частной инициативы отдельных лиц или благотворительных организаций и оставался сравнительно низким, особенно в сельской местности, так как не включал в себя потенциал большей части населения. Тем не менее, на рубеже XIX–XX вв. состояние образования в Ставропольской губернии достигло определенного уровня и стало платформой для дальнейших преобразований в этой области уже на следующем, советском этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко И. В. Гимназии Ставрополя в культурно-просветительском деле среди калмыков Большедербетовского улуса // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы международной межрегиональной научной конференции (10–11 апреля 1998): в 2 ч. Ч. 2. Ставрополь: Издательство СГУ, 1998. С. 31–32.
2. Кравченко И. Н., Кемпинский Э. В. Общества народного образования Ставропольской губернии в конце XIX в. // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. С. 196–197.
3. Малахова Г.Н. Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – в первой половине XIX века. Москва – Пятигорск: Издательство Российской академии государственной службы, 1999. 180 с.
4. Народное образование и культурное строительство в Ставропольском крае. Ставрополь: Статистическое управление Ставропольского края, 1967. 142 с.
5. Обзор Ставропольской губернии за 1906 г. По данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1908. 95 с.
6. Прокопенко Р. Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской губернии): автореф. дис. на соиск. уч.ст. канд. ист. наук: (07.00.02) / Р.Г. Прокопенко. Пятигорск, 2011. 26 с.
7. Стрелов В. И. Ставрополь – "город просвещения" (О развитии образования в г. Ставрополе в XIX – начале XX в.) // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. С. 176–187.
8. Судавцова С.М. Народное образование Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: проблемы истории. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (3–4 ноября 1994 г.). Ставрополь: СГПУ, 1994. С. 44–46.
9. Ткаченко Д. С. Из истории изучения родного языка в национальных школах Ставропольской губернии (1900–1917 гг.) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции в 2-х частях. Часть 1. Ставрополь: СГПУ, 1995. С. 146–154.
10. Ткаченко Д. С. К вопросу об обучении детей в национальных школах в 1900–1917 гг. // Из истории земли Ставропольской: Сборник научных статей. Выпуск 4. Ставрополь: СГУ, 1997. С. 67–70.
11. Ткаченко Д. С. Роль средних учебных заведений Северного Кавказа в подготовке национальной интеллигенции в 1900–1917 гг. // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы международной межрегиональной научной конференции (10–11 апреля 1998): в 2 ч. Ч. 2. Ставрополь: Издательство СГУ, 1998. С. 166–168.